

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

Общество - абстрактное понятие. Общество существует не само по себе, а состоит из индивидуумов. Где пролегал граница между ним и группой индивидуумов? Количество решает не все. Иногда малочисленная группа становится обществом, а многочисленная - нет. В этом случае качественное различие перестает быть функцией количества и даже оказывается важнее него. Что делает народ народом? Если собрать сто, тысячу, миллион человек - превратятся ли они в народ? Подобный вопрос можно задать и в иной связи: если рядом с одним домом построить другой, третий, сотый - превратится ли скопление домов в город? Индивидуумы становятся народом, когда вступают между собой в определенное взаимодействие. Общество может быть хорошим или дурным, однако при отсутствии взаимосвязей между его членами оно останется сборищем - пусть даже многомиллионным.

Нечто подобное происходит ныне с еврейством СНГ. Здесь живут сотни тысяч евреев. Но до тех пор, пока они остаются не связанными между собой индивидуумами, их число не играет роли. Неважно, сколько евреев в СНГ - сто тысяч, миллион или десять миллионов. Пока между ними не налажено взаимодействие, они не образуют общества. И сотни тысяч человек способны стать сильным народом, а миллионы индивидуумов могут остаться толпой. Переход от личности к обществу неизбежно оказывается болезненным: ведь он связан с обесцениванием своего "Я", с утратой его индивидуальной сущности. Члены общества способны взаимодействовать лишь на базе общего знаменателя, того, что объединяет каждого из нас с другими. Лучший пример тому в Израиле - служба в армии. Резервисты в возрасте тридцати-сорока лет представляют собой весьма неоднородную общность. Среди них есть преподаватели, ученые, банкиры и т.п. - и у каждого свой неповторимый жизненный опыт, индивидуальные способности и стремления. Но когда почтенные отцы семейства облачаются в форму, они дружно свистят вслед каждой девчонке и обмениваются грубыми шутками. Никто из них, скорее всего, не позволяет себе ничего подобного "на гражданке". Что же происходит с ними в армии? Здесь образовалось определенное общество, ни один из членов которого, хочет он того или нет, не смог бы просуществовать в нем, не приняв его законы. От этих законов зависят тип социальной интеграции, характер связей, объединяющих индивидуумов, и, в конечном счете, поведение каждого из них.

Не существует закона, согласно которому консолидирующий группу "общий знаменатель" обязан соответствовать предельно низкому уровню общения. Несомненно, двадцать взрослых образованных мужчин,

собранные вместе, могли бы обсуждать философские, экономические или научные вопросы. Однако не эти вопросы собрали их вместе. И потому общение тотчас скатывается на низкий уровень. Личность вынуждена примеряться к среде, отыскивать некий "общий знаменатель", интегрирующий ее. В том случае, когда "общий знаменатель" соответствует более высокому уровню, личность тоже лишается некоторой доли своей автономии. С другой стороны, социальная консолидация позволяет интегрировать элементы, каждый из которых в отдельности не имеет существенного значения, но вместе они образуют новое целое. Человеческое общество способно спланировать во имя достижения цели, недоступной каждому из его членов в отдельности.

Обратимся теперь к нашим еврейским делам. Сегодня "общий знаменатель" единства народа Израиля настолько низок, что даже не находится в ряду собственно еврейских ценностей. Это - юдофобия, из чего следует, что еврейское общество не скрепляет изнутри никакой собственной "клей". Оно спланивается благодаря давлению извне. Многие социологи так и определяют сущность еврейства: евреи - это жертвы определенного вида сегрегации, которая называется антисемитизмом. Определение это сугубо внешнее, оно со-

вершенно не затрагивает сущности жертвы - если, разумеется, вообще признает ее внутреннее отличие от других. Я не собираюсь спорить с подобным определением, ибо в принципе оно верно. Правда, оно основывается на предельно низком "общем знаменателе", но ничто не мешает нам поднять его.

Один из способов объяснить общественные процессы, протекающие в еврейской среде на протяжении последних полутора веков, - представить их как попытку множества индивидуумов разорвать связь с религиозной общиной и заново интегрироваться по политическому признаку. Ибо государство Израиль, например, отнюдь не является религиозной общиной, как, строго говоря, не является и этнокультурной целостностью. Это явно политическое образование. На протяжении вот уже полувека не сходит с повестки дня не теряющий актуальности вопрос: что же объединяет население Израиля? Что общего у граждан сионистского государства? Допустим, я родился в почтенном раввинском семействе выходцев из Литвы, репатрировавшихся из Ковно. И вот - неважно, в синагоге ли, на работе или просто на улице - я встречаю еврея, в младенчестве привезенного из Марокко. Его отец был кузнецом в Касабланке. Я спрашиваю себя: мы оба строим единое общество, но на какой основе? Единство не создается за счет механического совмещения во времени и пространстве. Правда, если как следует перемешать индивидуумов в общем котле, многие из них, скорее всего, отыщут подобных себе и образуют с ними устойчивые этносоциальные сцепления. Однако это будет не общество, а хаотичный конгломерат подобеств, пестрая мозаика, лишенная внутреннего единства.

Лишь на основе единой системы интеграции может сложиться действительно монолитное общество. Если такой системы нет, можно переместить с места на место миллионы людей безо всякого толка. Ящик письменного стола, куда я время от времени бросаю черновики, не создаст книги. А если я захочу решить эту проблему, пересыпав содержимое в другой, более "подходящий" ящик, - что ж, с тем же успехом я мог бы вытряхнуть бумаги прямо в мусорную корзину.

Российское еврейство переживает сейчас этап поиска своего единства. Это творческий период. Иногда поиск устремлен в забытое прошлое, иногда - в глубь собственной души. И то и другое необходимо для того, чтобы сыны Израиля смогли, наконец, обрести то общее, что позволяет им называться этим именем.

Adin Steinsaltz

Адин Штейнзальц

Программа заочного еврейского образования "Лимудим" по эксклюзивной методике Института изучения иудаизма под руководством раввина А. Штейнзальца

Курсы академического уровня, учеба в индивидуальном темпе:

- "Тора - имена и судьбы"
- "Пророки о падении и возрождении Иерусалима"
- "Агада в Вавилонском Талмуде"
- "От Иешоуа до Шломо"

Всем принятым на учебу высылаются учебные пособия, разработанные институтом, а также предоставляется всем желающим широкий выбор учебных материалов на нашем сайте: www.judaicaru.org

Институт изучения иудаизма в СНГ Москва 109240 а/я 44

Телефон: (095) 9153165, факс: (095) 9153161 e-mail: lamed@judaicaru.org

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. А КАК С ОБЯЗАННОСТЯМИ?

Человек имеет право... Как гордо, даже несколько вызывающе звучит этот постулат! Человек имеет право (и, оказывается, много прав) в силу своей принадлежности к обществу, проще, в силу своего рождения. Это не зависит от его личного вклада в благосостояние или развитие этого общества, не зависит даже от его отрицательной роли в жизни этого общества. И это преподносится как достижение человеческого духа! Но эйфория несколько снижается, если вспомнить ситуацию, когда исламский террорист, ставший своей целью уничтожение общества, в котором он живет, подрывает себя, сея вокруг себя смерть, убивая членов этого общества, а его семья получает от этого общества пособие по потере кормильца! Вот уж, воистину – разгул демократии!

Но за счет чего же или кого обеспечиваются эти самые права? Почему одни **имеют право** получать, ничего не давая взамен, а другие **должны** эти права удовлетворять? Как-то не очень соотнобразуется с логикой. Может, что-то не так? Может, есть смысл задуматься? А, может быть, некорректно поставлен вопрос? Почему такой перекос в сторону психологии потребления: "мне положено", "мне должны", "имею право"? Получить, успеть урвать. Психология нищенства, психология убожества, в конечном счете - психология импотента. Все дело именно в психологии, в изначальной предпосылке, что "мне должны", "я имею на это право". Совершенно выхолащивается сознание своих **обязанностей**. Выхолащивается сознание того, что прежде чем что-то **взять**, надо что-то **дать**, иначе откуда же берется то, что дают? Все разговоры, что мне нечего дать, беспочвенны. На самом деле нет такого бедного, который бы не мог **что-то дать** (совсем не обязательно деньгами). А ведь права могут быть действительными, только если есть обязанности. Где Декларация обязанностей?

То, что сейчас называется "правами человека", берет начало в Торе. Но там почти не встречается слово "права". Зато на человека возлагаются бесчисленные обязанности: обязанности детей перед родителями, родителей перед детьми, ученика перед учителем, обязанности перед обществом, обязанности заботиться о бедных, о пришельцах и т.п. И даже, как это ни покажется странным для современного "цивилизованного" человека, **обязанности** по отношению к животным: "Не заграждай рта быку молотящему" (Дварим 25:4); "Когда ты видишь осла своего врага, упавшего под тяжестью груза, и хотел бы воздержаться от того, чтобы поднять его, ты все равно должен поднять его вместе с ним". (Шмот, 23:5); "Праведный знает нужды скотины своей..." (Притчи 12:10) и т.п. Но главное - **обязанности** каждого перед Б-гом.

Рав Деслер сформулировал так: "Существует два типа законов: законы, которые определяют жизнь, и законы, которые определяются жизнью. Человеческие законы порождены жизнью, и поэтому они различны в разных странах, в соответствии с условиями жизни в них. Тора Вс-вышнего – Божественный Закон, порождающий жизнь. Тора Вс-вышнего – Тора-истина, Тора одинакова в каждом месте и во всякое время, Тора вечна".

Тора постоянно призывает не брать, а давать, выполняя тем самым свои **обязан-**

ности. И чем больше у людей осознанных обязанностей, которые они добровольно принимают на себя, тем меньше они нуждаются в правах. Так как, если человек выполняет свои обязанности, значит, он действует, он способен, он участвует в совершенствовании мира и через это осуществляет свое предназначение. А если говорить о правах, то это ставит человека в положение берущего, зависящего, просящего. Какое уж тут "улучшение мира". Известно ведь – "что взял - чужое, что отдал - твое".

В современном мире действует изощренная индустрия, признанная внушить **потребителю**, что он просто не может жить без таких-то и таких-то товаров или услуг. И у человека, даже помимо его воли, вырабатывается привычка **потреблять** то, что ему предлагают, и постепенно он даже не в состоянии определить, а что же ему действительно нужно. Много времени и сил уделяется для всякого рода "укрепления организма": от медитации до всевозможных физических упражнений, водных, солнечных, массажных и прочих процедур, притираний, растираний и т.п. Все внимание на **себя**. Казалось бы, все это должно служить цели подготовки человека к наиболее полной реализации своего потенциала служения Вс-вышнему, Его заповедям, обществу. Но именно это и растворяется, исчезает. В подавляющем большинстве случаев обслуживание себя становится самоцелью, для внимания к окружающему уже не остается времени. "**Я**" становится сначала самым главным, а затем и единственным смыслом существования, самоцелью. Потому что нет определенной границы, когда кончается **получать** и начинается **давать**. Это можно объяснить очень просто: в конце концов, отдавать есть предел – больше того, что у тебя есть, ты дать не можешь, зато получать можно бесконечно. Вот многие, очень многие и стремятся получать. Все равно что, лишь бы получать. К этому располагает общая психология "общества потребления". И декларируемые всевозможные "права". Понятно, что это продиктовано самыми благими намерениями, но за этими намерениями как-то растворяются **обязанности** человека. Ведь если признать право **получать**, то у кого-то должна быть обязанность **давать**, иначе от кого тогда получать? Тут-то и начинаются неясности. **Кто** должен давать? **Почему?** Если я имею право, он имеет право, они имеют право, все имеют право, то кто же имеет **обязанности**? Появляются все новые и новые "права", а обязанности как-то размываются, им не находится места, просто не до них. Вырабатывается психология, по которой растут требования, предъявляемые к правам. И, естественно, чем больше требований к правам, тем меньше места в сознании остается для обязанностей.

Опять же процитируем Рава Деслера: "Каждый человек должен не только получать, но и давать. Тот, кто не способен на это, подобен бесплодному дереву. Там, где человек стремится дать, там он подражает Б-гу (ибо стремление Вс-вышнего – давать, а не получать) и становится близок к Нему. Но как только человек становится **только** получателем, он скатывается на животный уровень существования, и на этом пути достижение человеческого счастья невозможно".

Тут мы подходим к определению понятия **цдака**. Обычно слово цдака переводится на другие языки как благотворительность или подаяние. Но это неверно передает основное содержание этого поступка. В еврейской традиции понятие цдака – это **акт справедливости**. Смысл его в том, что если Вс-вышний дал мне больше, чем нужно, для того чтобы прожить, то я как бы становлюсь посредником по распределению благ в этом мире и поэтому **обязан** давать тому, у кого таких средств недостаточно. И это не потому, что я такой добрый или великодушный, - это просто справедливый поступок, и я исполняю свои **обязанности**.

В связи с этим уместно напомнить, что в Торе много раз подчеркивается по отношению к приносимым жертвоприношениям: чтобы не было какого-либо порока на них, только самое лучшее. С прагматической точки зрения, какая, казалось бы, разница, есть порок или нет. Ведь жертва все равно будет просто сожжена. С пороком или без – от нее останется лишь горстка пепла. (Многим вообще непонятно зачем в наше время читать о каких-то жертвоприношениях.) Известно, что для выполнения заповеди АР-БАА МИНИМ (четыре вида растений к празднику Суккот) многие ортодоксальные евреи готовы заплатить большие деньги, чтобы найти этрог идеального качества, с отростком, отвечающим самым высоким требованиям. Хотя здесь мог бы возникнуть вопрос: может, лучше эти средства использовать на помощь бедным или еще куда-нибудь – мало ли существует возможностей помещения средств для "улучшения мира"?

Но, если Тора что-то предписывает, значит в этом есть глубокий смысл, который человек должен пытаться осознать. Именно потому, что для выполнения заповеди выбирается самое лучшее, у человека формируется понятие того, что это **сознательный акт**, что он **должен давать**, и давать не то, что ему самому не нужно (можно вспомнить русскую поговорку: "На тебе, Боже, что мне не гоже"), а то, что он, при определенных обстоятельствах, хотел бы получить сам.

В книге Шмот (глава Бо, 12:4) говорится: "А если семья слишком малочисленна, чтобы съест одного ягненка, пусть возьмет себе вместе с ближайшим соседом – по числу душ...". А проще – не может сосед купить ягненка, бедный он. Найди такого и пригласи к себе на Седер. А ведь могло бы быть написано почти то же самое, но по-другому: "Нет у тебя ягненка – найди семью, где много еды, и присоединись к их трапезе. **Имеешь право**". Но Тора постоянно призывает **не брать, а давать**. Потому что мир, созданный Вс-вышним, стоит не на потребительском отношении к жизни, а на обязанностях, наложенных на людей Творцом. Конечно, жить, выполняя обязанности, может быть, труднее, хлопотнее. Но, как гласит еврейская мудрость: "Не желай себе конца тревог, ибо с тревогами заканчивается и жизнь".

Наверное, было бы очень хорошо, если каждый раз, когда возникали потребности в правах, вспоминались и обязанности. Мир, может быть, стал бы от этого немножко лучше. А в этом и есть предназначение человека.

Дмитрий Цвибель

РАХИЛЬ

Светлой памяти Рахили Пинской и Исаака Зайцева посвящается.
Да будет она благословенна.

Город моего детства. Ушедший за далекие горизонты времени, но оставшийся близким и милым сердцу. Туда, в его туманную даль, как перелетные птицы, возвращающиеся к родным гнездам, улетают воспоминания. Бестелесными призраками бродят они по знакомым улицам, бульварам, дворам, заглядывая в окна домов. Солнечный зайчик памяти то более четко, то менее, высвечивает родные и навсегда исчезнувшие силуэты.

Не знаю почему, но в памяти особенно врезалось раннее утро в моем южном городе. Помню, как растворяются и гаснут последние звезды, и воздух приобретает какую-то особенную тонкость и прозрачность. С реки тянет сырой свежестью, которая, как хорошее вино, немного пьянит. В садах просыпаются первые птицы, где-то еще поет соловей. Лучи молодого солнца пока слабы и с трудом пробивают густую крону каштанов, бросая на землю робкие неуверенные блики. Травинки, умытые утренней росой, тихо шепелят узкими листочками. Стены домов, асфальт улиц и площадей, стволы больших белых акаций - все отдает последнее тепло вчерашнего дня. Уже совсем светло, и город, поживаясь от утренней прохлады, не спеша пробуждается. К базарной площади потянулись крестьянские телеги. Открываются разные мастерские, на окнах магазинов и лавчонок поднимают металлические гофрированные шторы. Мой дедушка Рафаил тоже встал, умывшись и одевшись, торопится к первой утренней молитве в большую синагогу. Так называют главную синагогу города. Она расположена недалеко от нашего дома, и я там часто бываю, особенно по праздникам и субботам, неся дедушкин молитвенник и красивую вышитую темно-малиновую бархатную сумочку с талесом и филиakterиями. Мне здесь нравится. В большом молитвенном зале в ряд выстроились красивые колонны с лепным украшением. Потолок выстлан черным бархатом с прорезанными светящимися звездами и полумесяцем - наивными символами ночного неба. В восточную стену вмонтирован красивый Арон Кодеш - стеной шкаф для Торы. Он сделан очень искусно и обрамлен сложными переплетениями позолоченных цветов и листьев. Фантазия и умение резчика поражают. Во время молитвы с торжественной осторожностью из него достают Свитки, разодетые в богатые бархатные чехлы, расшитые золотом. Тору бережно обносят, и молящиеся, дотронувшись, целуют пальцы.

Солнце набирает высоту и заметно пригревает. Мама, набросив на голову легкую косынку, спешит на базар. Мама - красивая стройная блондинка с чистыми голубыми глазами, что редко встречается среди моих единоплеменников. У нее свежий южный румянец и небольшая родинка на щеке. Отец ее любит и позже, спустя много десятилетий, умирая, последними усилиями гладит ее, увя, уже морщинистую руку.

Папа, наоборот, гжучий бронет, с крепкими руками и покатыми плечами. Он не только силен, но и завидно здоров, до глубокой старости не знавший ни больницы, ни поликлиник. Муки доставляли лишь корни зубов, выбитых на очередной погроме не то "белыми", не то "красными" - все старались хорошо.

В нашем доме уже открыты ставни и распахнуты окна. Из глубины комнат доносится чистое красивое пение. Это, убирая квартиру, поет Рахилька - младшая сестра моей мамы, почти дев-

чонка, и я не хочу называть ее тетей. Она любит и умеет петь, знает множество песен. Ее пение под окнами нередко собирает любителей. Они понимающе слушают и одобрительно кивают головами. Вообще, в то довоенное время, народ любил петь, особенно на Украине. Пели крестьяне, возвращавшиеся с поля, тихо напевали за работой сапожники и портные. Хорошую музыку понимали, да и вкусы были другими. Ценили благородные скрипку, флейту, рояль, но не примитивный барабан и электрогитару, способных лишь отбивать такт. Часто из окон еврейских домов доносились тихое детское разучивание скрипичных гамм.

Окончив школу, Рахиль устроилась продавцом в книжный магазин. Однажды в такое же прозрачное утро в магазине она была одна и, по обыкновению, пела. Мимо проходил заезжий профессор консерватории. Услышав пение, он тотчас его оценил. Зайдя в магазин, упрямил смущающуюся девушку еще что-нибудь спеть. Профессор был ошеломлен. У Рахили оказался редчайший тембр колоратурного сопрано. Вечером профессор был у нас дома, пытаясь уговорить дедушку отпустить дочь для учебы в Киев. Дедушка был непреклонен: "Нет!" - девочку одну, несмышленную, да еще хорошенькую, в Киев, где столько соблазнов. Парни и здесь доставляют немало хлопот, а там! "Ни в коем случае!" Так он поступил и с моей матерью, когда на городском конкурсе детского рисунка ее карандашный портрет занял первое место, и она получила возможность бесплатного обучения в Одесской художественной студии. Но дедушка сказал: "Нет, одесских босяков нам только не хватало!" - и мамин талант был загублен.

Но профессор был еврей, и беседа происходила на родном языке, что заметно смягчило обстановку. Профессор уверял, божились и клялся, что с Рахилью никого худого не случится, он этого не допустит и будет ее опекает как родную дочь. И дедушка, скривив сердцем, сдался.

У Рахили оказался не только удивительно красивый голос, но абсолютный слух и хорошая музыкальная память - все, что необходимо для успешной карьеры оперной певицы. Она легко и быстро освоила необходимые знания и навыки. Будучи на третьем курсе, уже была зачислена в труппу Киевского театра оперы и балета - одного из лучших в стране, вскоре став его солисткой. О ней заговорила пресса. Помню статью в тогдашней центральной газете "Коммунист" под названием: "Рахиль Пинская - украинский соловей".

Дедушка был хорошим слесарем, и к нему на учебу охотно отдавали молодых парней. Одним из них был Исаак, с нетипичной фамилией "Зайцев". Он оказался хорошим малым, смысленным, обязательным, с хорошими руками. Исаак до самообразования был влюблен в младшую дочь своего учителя. Он страдал и мучился, но признаться боялся. Для него ее имя было святым. Но подошло время, и Исаака призвали в армию, где он и остался, став профессиональным военным. Служил в полку дальнебомбардировочной авиации. Позже, когда Рахиль училась в консерватории, он с большим трудом перевелся в такую же часть, но возле Киева, чтобы быть ближе к ней. Когда Рахиль перешла на последний курс, они поженились. Это была хорошая пара. Однако счастье их было недолгим. Его оборвала война. Рахиль даже не успела сдать

госэкзамены. Немцы рвались к Киеву с поразительной быстротой. Частые бомбежки сеяли хаос, неразбериху, панику. В отъезжающие на восток поезда попасть невозможно. Что могла сделать Рахиль одна, слабая, да еще на последнем месяце беременности. Как-то Исааку на короткое время чудом удалось выбраться из части, и он буквально силой толкнул ее в переполненную теплушку последнего поезда. В вагоне крик, стон, матерщина, кулаки, ни сесты, ни лещ. Рахиль так сдавила, что у нее начались преждевременные роды - кошмар, который и в страшном сне не приснится. Родился хороший мальчик, уже с черными как у Исаака, волосиками, но безумевшая, озверевшая толпа его раздавила...

Рахиль больную, обессиленную, измученную поезд привез на какой-то Б-гом забытый сибирский полустанок. Затем телегой до деревни. Поместили в сарай, позже в кухню какой-то старухи. Непривычная работа в колхозе, голод и холод ее крепко измотали. Но удалось установить связь с мужем, и Исаак какое-то время ей переслал свою зарплату, что сделало возможным как-то продержаться. Но связь вскоре прервалась, и установить ее так и не удалось (стопка писем Исаака, трогательных и нежных, хранится у меня). В осеннюю непогоду истощенная, плохо одетая, работая в поле, Рахиль сильно простудилась. Кашель разрывал грудь. Лечить некому и нечем. В груди появились зловещие хрипы, стало трудно дышать, воздух со свистом прорывался в легкие. Развилась бронхиальная астма. Если короткое, но страшное слово "война" жирной чертой перечеркнуло любимые театральные подмостки, успех у восторженной публики, аплодисменты, букеты цветов, то такое же короткое и не менее зловещее "астма" перечеркнуло и надежду.

Цена жизни на войне - ломаный грош, особенно у летчиков. Немцы в нашем небе чувствовали себя безнаказанно и вольготно. Возвращаясь после бомбардировки нефтеперерабатывающего завода в румынском городе Констанце и пролетая над Украиной, самолет Исаака был в упор расстрелян немецким истребителем. Объятый пламенем, он рухнул, но Исаак и его стрелок-радист каким-то чудом смогли выбраться на парашютах. Попали к немцам. Радист, будучи украинцем и всего сержантом, был отправлен в лагерь для военнопленных, где досидел до конца войны и вернулся домой. Но Исаак (в то время уже, кажется, полковник) был не только летчиком, но коммунистом и евреем - всем, что немцы "обожали". Его не расстреляли, его рубили по частям: руки, затем ноги... Даже немцы избегали такой "работы", но ее охотно выполняли наши бывшие товарищи, соседи, сослуживцы. Их жестокости можно лишь удивляться. Все это видел радист. Исаак смог ему сообщить имя жены и возможное послевоенное местожительство, чтобы он передал его последнее "люблю!" Радист оказался на удивление порядочным и обязательным человеком, после войны разыскал Рахиль и все это рассказал. К ней вызывали "скорую".

Рахиль умерла в полном одиночестве. В нужную минуту кому-то было подать стакан воды. Как говорят: "Не родись красивой, а родись счастливой".

Залман Кауфман

Из еврейской поэзии

Хаим Нахман Бялик (1873-1934)

В 1916 году отмечался первый юбилей поэта Бялика - 25-летие литературной деятельности. Его поздравляли И. Бунин, М. Гершензон, В. Короленко, Л. Пастернак, А. Куприн и многие-многие другие. Сегодня напомним вам стихотворение Бялика "Аггада" в переводе В. Жаботинского.

О ветхие книги, страницы Талмуда,
сказания древней Аггады, -
у вас во мгновенья тоски одинокой
душа моя ищет улады.
Как червь, что зарылся в расселине камня,
таясь среди мрака и пыли,
так робко я кроюсь под сень вашей тайны
от злобного гнета насилий.

Во тьме непроглядной бреду по дороге,
и небо туманом одето -
вы рвете туманы, и льете мне в сердце
лучи новый от вечного света.

И, бросив погоню за тенями жизни,
стихкая под сенью Аггады,
я плачу, и тихо из груди родимой
впиваю напиток отрады.

Живу среди народов презренный и жалкий,
не смею дать волю рыданиям:
я столько рыдал, что слезы б иссякли,
но только с последним дыханьем.

Была прежде арфа - и арфу я скорбно
повесил на иве прибрежной,
и горько заплакал, и слезы ту арфу
умчали волюю мятной.

Ой, арфа, певица напевов Егуды!
Теперь эти струны разбиты -
а некогда пели псалмы Адоною
и гимны красе Шуламиты...
Угасли цари - песнопевцы Сиона,
ни трона, ни струнного звона...
Свирель моя скорбной голубкой тоскует
на чуждых реках Вавилона.

Но были в изгнаныи певцы и герои -
герон народного духа,
и отзвуки арфы звенели в их сердце
и в памяти чуткого слуха,

и вникли те люди в народную душу
пылкостью вечного взгляда,
и дивные звуки умолкнувшей арфы
спасли - и родилась Аггада!

И в дни моей скорби - как струн, я касаюсь
страниц обветшалых рукою -
поплачу над ними о горе народном
и сердце мое успокою;

и вижу тогда я величие народа,
с главой выше горних туманов,
и чую душою, что черви воспрянут
и - верь! - побьют великанов.

Бунин посвятил Бялику стихотворение «Да исполнятся сроки». По какой-то печальной ошибке до сих пор эти стихи печатаются в сочинениях Бунина как принадлежащие Бялику и лишь переведенные на русский язык Буниным...

Да исполнятся сроки

Х.Н. Бялику

- Почто, о Боже, столько лет
Ты мучишь нас в пустыне знойной?
Где правый путь? Где отчий след
К стране родимой и спокойной?

- Мужайтесь, верные! Вперед!
Я дал вам горький лист оливы,
Но слаще будет он, чем мед
От тех, чьи руки нечестивы.

Прямые коротки пути:
Потребна скорбь, потребно время,
Чтобы могло произрасти
На ниву брошенное семя.

Иосиф Гин

РАБЕЙНУ МОШЕ БЕН-МАЙМОН (Биографический очерк)

К 800-летию со дня смерти РАМБАМА

"От Моше до Моше не было равного Моше", - говорили современники о Моше бен-Маймоне, великом ученом, кодификаторе, философе, враче и учителе, духовное наследие которого оказало решающее влияние на еврейскую мысль последующих поколений.

Моше бен-Маймон, больше известный под именем Маймонид в еврейской традиции - РАМБАМ - сложносоставленное имя, образованное из начальных литер полного имени Рабейну Моше бен-Маймон) - крупнейший представитель блестящей плеяды средневековых мыслителей золотого века испанской еврейской культуры. В этот период (XI - XII вв.) в Испании творили такие светила, как Ицхак Альфаси, Шломо ибн-Вироль, Авраам ибн-Эзра, Иегуда Галеви, Хасдай ибн-Шапрут.

Рамбам родился в Кордове 14-го дня месяца Нисана 4895 года по еврейскому летоисчислению (1135 г.), в семье судьи (даяна) раввинского суда Кордовы рабби Маймона бен-Иосефа.

Отец Моше, почитаемый в кордовской общине ученый и общественный деятель, был его первым учителем Библии и Талмуда. Впоследствии Рамбам получает также весьма основательное светское образование: по математике, естествознанию, астрономии, медицине, философии. Одним из его учителей был ученик великого арабского философа ибн-Баджи, в классе которого Моше изучал естественную историю. Уже в 13-летнем возрасте юный Маймонид подвергся грозному испытанию судьбы. В это время Испанию владели Моравиды, одно из диких африканских племен, вожди которого были одержимы борьбой против любых проявлений просвещения, подрывавшего, по их мнению, устои ислама. Насаждая ислам и подавляя просвещение, Моравиды преследовали не только евреев и христиан, но и собственных единоверцев-мусульман. Вскоре Моравиды уступили правление Альмагамидом, главным предводителем которых был Али бен-Тамарат. Его наследник Абдул-Мумин овладел в 1146 г. Марокко, а в 1148 г. - Кордовой. Новый правитель ревностно принялся за распространение ислама в подвластных ему землях. Он потребовал от евреев и христиан, чтобы те приняли мусульманскую веру или, в противном случае, покинули его владения. Впрочем, принятие ислама состояло тогда в произнесении известной формулы мусульманского вероисповедания: "Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед - посланник его". Многие еврейские семьи и целые общины, упорно сопротивляясь этому горькому требованию, с посохом в руках рассеялись по разным странам и отдаленным провинциям обширных владений Абдул-Мумина. Другие же, более просвещенные и, в первую очередь, духовная элита, формально приняли ислам, оставаясь на самом деле ревностными исполнителями заповей своих предков.

К их числу принадлежало семейство Маймона. Об-

лекшись в личину мусульманства, оно долгое время беспрепятственно живет в Кордове и лишь в 1159 г. отправляется в Фез, оставив навсегда свою родину.

Наследник Мумина, Абу-Якуб-Юсуф, следуя примеру своего отца, продолжает преследовать подвластных ему иноверцев, и в 1165 г. семейство Маймона вновь отправляется в странствие. В этот период Моше начинает свой комментарий к Мишне "Сира" (арабск. "Светоч") и пишет "Послание о самопожертвовании во имя Всевышнего" ("Игерет Кидуш а-Шем").

Дальнейшие скитания приводят Маймона в 1165 г. в Святую Землю. Он поселяется и живет некоторое время в городе крестоносцев Акко, а затем перебирается в Иерусалим. Жестокая судьба вновь гонит их из страны, на этот раз - в город Фостат (старый Каир).

Вскоре после прибытия в Фостат умирает отец семейства рабби Маймон.

На протяжении многих лет духовную деятельность рабби Маймона и Моше содержал старший брат Моше Давид, который занимался торговлей драгоценными камнями. Во время одного из плаваний по Индийскому океану Давид попадает в кораблекрушение и гибнет. Бремя содержания семьи ложится теперь на плечи Моше. Он категорически отклоняет предложение заниматься Торой как средством содержания семьи и предпочитает медицинскую практику. Незурядные способности Маймонида привлекают внимание визира султана Саладина, и в течение последующих двадцати лет он работает придворным врачом султана. Его слава врача настолько велика, что Рихард Левенгерц, посетив Святую Землю во время крестового похода, предлагает Рамбаму стать его личным врачом...

В Фостате Маймонид решительно сбрасывает с себя личину мусульманства. С этого времени начинается счастливая эпоха в жизни Моше бен-Маймона. Обладая огромными знаниями по части еврейских дисциплин и глубокими сведениями в языкознании, философии, медицине, математике, он становится духовным оракулом своего времени. Евреи, равно как и мусульмане, стекаются в Фостат из самых отдаленных уголков Средиземноморья, чтобы слушать его проповеди, публичные лекции по философии, медицине и естественным наукам.

Общее благоговение перед Маймонидом растет с каждым днем, и спустя некоторое время он единодушно избирается на пост главного раввина Каира и окрестностей. Его влияние и авторитет распространяются по всему еврейскому миру. Огромная корреспонденция Рамбама включает публичные обращения к различным общинам мира; ответы на вопросы по части еврейского права, кашрута и гигиены; методические рекомендации изучающим Тору и Талмуд; многочисленные комментарии к каноническим текстам и многое другое. Об интензивной деятельности мыслителя, педагога, врача, общественного деятеля, общепризнанного духовного лидера еврейского мира мы можем судить по отрывочным сведениям, почерпнутым из его переписки. В письме своему другу и перевод-

чику Шмуэлю бен-Иегуде ибн-Тиббону он пишет:

"Мой день заполнен следующим образом. Я живу в Фостате, а султан находится в Каире. Я обязан каждое утро его навещать и, если он или его дети или кто-либо из обитателей его гарема чувствуют себя нездоровыми, я не имею права оставлять Каир и, соответственно, не успеваю вернуться в Фостат к обеду... Меня одолевает голод, но я нахожу приемную, заполненную народом, евреями и неевреями, дворянами и простолыдем, друзьями и противниками - пестрая смесь людей ожидает моего возвращения.

...Я слезаю с коня, мою руки, иду к моим пациентам, обследую их неторопливо, принимая одновременно легкую закуску (единственный раз, когда я ем в течение 24 часов). Пациенты идут и идут до ночи, иногда еще позже. Я беседую с ними, даю им указания, но чувствую смертельную усталость, почти падаю, и, когда приходит ночь, я настолько истощен, что едва способен говорить.

... По этой причине ни один еврей не может побеседовать со мной в будний день. В субботу же приходит ко мне вся конгрегация или, по крайней мере, большинство ее членов, после утренней молитвы. Я даю им указания на всю будущую неделю... До обеда мы учим вместе Тору и Талмуд, а затем они уходят. Некоторые из них вновь приходят и читают со мной вместе отрывки из последованных молитв, пока не наступит время вечерней молитвы. Так провожу я свою субботу."

Попутно Рамбам заканчивает свой комментарий к Мишне под названием "Маор" ("Светоч") и пишет два монументальных произведения, которые стали вершиной его духовной деятельности: "Мишнэ Тора" и "Путеводитель заблудших". К этому же периоду относится написание знаменитого "Йеменского послания" ("Игерет Тейман").

Несмотря на всеобщее благоговение современников ("Свет на востоке и на западе... чудо поколения"), в некоторых кругах Рамбам сталкивается с неприятием его трудов. Ортодоксальные круги критикуют его рационалистический подход к еврейскому законодательству; не всем импонируют его философские взгляды. Противники Рамбама утверждают, что его "Мишнэ Тора" подрывает основы Талмуда...

Маймонид величественно держится в стороне от этой дискуссионной суесть завистников и консерваторов, борьбу против которых ведут его сын Авраам и молодой ученик Йосеф бен-Иегуда.

В 1204 году, в возрасте 70 лет, Рамбам умирает. Его могила на Святой Земле, в Твери, по сей день является местом паломничества еврейского народа. В день кончины Маймонида в Фостате был объявлен трехдневный траур. Великого мыслителя оплакивали как евреи, так и мусульмане. Всеобщий пост в Иерусалиме сопровождался чтением Священного Писания и заключительным стихом из пророка Шмуэля: "Блеск Израиля исчез, ибо не преодолел мост к Богу".

(Из книги "Учитель поколений Рамбам", издательство "Аманат")

Хэсэд Агамим поздравляет с Днем рождения
КЕРЦ ЕВГЕНИЮ ЕВГЕНЬЕВНУ

Здоровья, бодрости духа и до ста двадцати!

Наша кухня

Чрезмерная еда - это смертельный яд для организма. Большинство болезней, которые постигают человека, происходят от неправильного питания, и в первую очередь от чрезмерной еды.

Маймонид (РАМБАМ)

Креплах с куриным мясом

Тесто: 2 ст. муки, 2 желтка, 1/2 чл. соли, 1/2 ст. воды

Просейте муку в миску горкой, сделайте в центре углубление, всыпьте соль. Сбейте желтки, влейте воду и замесите тесто, вымесите его до гладкости. Раскатайте тесто как можно тоньше, вырежьте квадраты или кружки, положите на каждый начинку и скрепите. Варите креплах в бульоне или в подсоленной воде. Разложите по тарелкам и залейте куриным бульоном.

(По другому варианту креплах обжаривают на смальце, затем варят в бульоне до готовности.)

Начинка: 1 ст. молотого вареного куриного мяса, 1 яйцо, большая луковица, 2 стл. хлебных крошек, 2 стл. растительного масла, 1 чл. соли, щепотка перца, немного куриного бульона.

Порубите лук и обжарьте его в масле до золотистого цвета, добавьте мясо. Жарьте еще 5 минут. Снимите с огня, остудите и добавьте остальные ингредиенты, хорошо перемешайте.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
Давид Генделев
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185035 Петрозаводск, ул. Гоголя, 28, каб. 12,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26
Тираж 300 экз.

МИЛОСЕРДИЕ ХАРАКТЕРНО
ДЛЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Маймонид

ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

КАУФМАН Ревекку Соломоновну
РОСКИНУ Изольду Михайловну
УТКИНУ Дину Васильевну
ШТЕЙН Рахиль Матвеевну
БЕЙГМАНА Моисея Гутмановича
ВИДРЕВИЧА Исаака Абрамовича
КРЫСЮКОВА Леонида Николаевича
ПАЛКИНА Якова Менделевича
ТЕВЕЛЯ Рэйна Григорьевича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!